

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинов, Сергей Витальевич.

Л64 Лавка забытых иллюзий : сборник / Сергей Литвинов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-99944-6

Представитель выдающегося творческого дуэта Сергей Литвинов в этот раз выступает без ансамбля. Сам. Один. Он рассказывает непридуманные случаи из своей жизни — которые, как часто бывает, интереснее и увлекательнее любого, самого изощренного вымысла. Питаемые ностальгией и любовью, забавные, веселые, поучительные истории происходят с автором в спокойные 60-е, пьяные 70-е, полные надежд 80-е и 90-е — годы головокружительных перемен.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинов С.В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

ISBN 978-5-699-99944-6

*Нашим родителям —
Екатерине Игоревне Литвиновой
и Виталию Яковлевичу Жила*

ЛАВКА ЗАБЫТЫХ ВЕЩЕЙ **Автобиография**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Оглядевшись вокруг, я с удивлением обнаружил, что многие вещи, окружавшие меня с детства, исчезли.

Их заменили совсем другие.

А чаще даже и не заменили совсем. Места, которые они занимали, остались пустыми.

Что я имею в виду?

Вот, допустим, пионерский галстук. Где он? Ау?

Исчез. Растворился. Остался только в памяти, на фотографических снимках, на груди далеких пионеров братской Кубы — родненькие!

Или взять стеклянные бутылки для молока (с жестяными крышечками на макушках).

Или пакеты для того же молока — но в виде пирамидки.

А еще, скажем, авоська.

Пятикопеечная монета (пятак).

Бумажная советская трешка, пятерка, десятка или двадцать пять рублей.

И — счеты (а также логарифмическая линейка и таблицы Брадиса). А еще весы чашечные, с гирьками.

И, конечно, партбилет. И — билет комсомольский. И октябрятская звездочка.

Кое-что, правда, из исчезнувшего советского вновь появляется. Однако это, скорее, макеты. Муляжи. Например, автоматы для газированной воды. Их специально ностальгическими делают. Копируют дизайн прежних. Но раньше мы пили из граненых стаканов. Мыли их самостоятельно. За три копейки — воду с сиропом, за одну — без. И очень странно платить за газированную воду сорок рублей банкнотами вместо трех копеек.

Или, к примеру, диспенсеры (стеклянные конусы для продажи соков): их кто-то взялся продвигать, делать элементами гламура. Но те, изначальные, наши коренные, почвенные диспенсеры — они-то исчезли!

И таких потерянных вещей (я с недавних пор начал собирать их), я насчитал уже как минимум пять десятков.

И каждый предмет имеет свою историю. И — заслуживает своей истории.

А раздел книги, который вы читаете в данный момент? То есть — предисловие?

В советские времена предисловие являлось важной составной частью практически любой книги. Редкий талмуд осмеливались выпустить без введения, в котором пояснялось, зачем автор взялся написать, а издательство — опубликовать данное произведение. В иных предисловиях книгу и ее автора объясняли, в других — критиковали, в третьих — поднимали на щит. Маститый писатель рекомендовал письменника начинающего; видный

критик истолковывал заблуждения в целом прогрессивного, но мятущегося заграничного современника (вроде Хемингуэя, Ремарка или Камю); марксист-ленинец (рангом не ниже доктора наук) объяснял ошибки и заблуждения почившего патриарха.

Хорошая штука — предисловие. Все тебе разжуют, настроят на нужный лад. А сколько полезного было в них для школьных сочинений! Мы прямо оттуда передували формулировки себе в тетради, в лучшем случае с минимальными правками.

Теперь — все не то. Книжки издает кто хочет и как хочет. Никакого учета и контроля. И никто ничего не боится. И ничего никому из читателей не объясняет. Иной бы книгочей и рад, чтобы ему что-то разъяснили, ан нет — бери и кушай голяком, безо всяких оберток, справок и приправ.

Поэтому в данной книге предисловие — это, скорее, памятник жанру, чем собственно предисловие.

Но раз уж оно есть, пусть будет этот «отдел литературного или научного произведения, содержащий предварительные разъяснения и замечания». (Толковый словарь Ушакова.)

Скажу исключительно в порядке предварительных разъяснений и замечаний, что книга эта хоть и посвящена на первый взгляд вещам — да еще исчезнувшим! — но на самом деле повествует, конечно, о людях.

Обо мне — мальчике, подростке и юноше, настолько далеко от меня нынешнего, что, кажется, он и не я был вовсе. О моих родителях, бабушках

и дедушках. О моей сестренке. И конечно, о друзьях. Об одноклассниках, учителях и просто встречаемых.

Словом, о былых временах. О детстве, отрочестве, юности.

В конце концов, все, что с тобой происходит, когда ты ребенок или подросток, случается впервые. Поэтому ты особенно остро воспринимаешь все чувства: радость, горечь, дружбу, любовь, достижение, открытие.

Все, что бывает потом, это простое повторение.

РАЗРУШКА

Сейчас довольно трудно представить, но, когда я был маленьким, в советских городах и поселках еще встречались руины военных времен. Не специально оставленные в наизидание потомкам развалины — как не тронут разбомбленный американцами квартал в Дрездене, или до сих пор зияет здание элеватора в Новороссийске. Нет, в моем детстве останки домов торчали потому, что просто руки не дошли снести, убрать, возвести на их месте что-то новое. Шутка ли, со времен Великой Отечественной войны минуло тогда всего пятнадцать-двадцать лет. А сразу после сорок пятого в руинах пребывала вся некогда оккупированная фашистами территория, от Сталинграда до Бреста. Все надо было восстанавливать. Естественно, до чего-то не доходили руки.

Примерно как сегодня — до сих пор ведь встречаются недостроенные здания, что начинали возводить в последние годы советской власти, да заброси-

ли. А ведь уже двадцать лет прошло со времен, как власти этой не стало.

В месте, где я жил мальчиком, тоже имелись военные руины. Мы, дети, их называли «разрушкой».

Я всматриваюсь в то далекое прошлое и пытаюсь увидеть себя. Кажется, ничего во мне от него не осталось. Большеголовый мальчик с выгоревшими на солнце волосами и удивленными глазами. У него даже фамилия была не такая, как у меня сейчас, не Литвинов. В детстве я носил фамилию по отцу: Сергей Жила. Как Жила я просуществовал довольно долго, вплоть до окончания школы — когда мама с согласия и одобрения папы для улучшения благозвучности сменила имя троем из нас: себе, мне и моей младшей сестренке Ане (будущей писательнице и моему соавтору).

К слову сказать, в раннем детстве я несколько не комплексовал по поводу того, что фамилия моя скорее на кличку похожа. Жила и Жила, подумаешь. Никто вокруг даже не смеялся. А пацаны во дворе называли меня Жиликом или Жилкиным. Они, представьте, не фамилию мою переделывали в обидную кличку (что часто у детей бывает). Мальчишки, наоборот, мое родовое имя, звучавшее изначально, как оскорбление, преобразовывали в нечто пристойное.

Дети вообще существа жестокие, но справедливые. Кого-то они прозвищами унижают: Воронова, к примеру, нарекают Вороной — и случается, уместно. Но иных, напротив, возвеличивают. Из того, что звали меня в Авиагородке скорее ласкательно,

чем обидно, можно заключить, что ребята дворовые меня любили.

Я же считал, что у меня нормальная украинская фамилия. Даже гордился, что она столь необычна, не чета всяким Петровым и Сергеевым. И вообще фамилия никакого значения не имела, полагал я, потому что мы живем в великом и справедливом Советском Союзе, где равны все нации и народности.

Географически мы проживали на юге СССР: от Украинской ССР в паре сотен километров и от Северного Кавказа в пятистах. Здесь исторически сложилось, что множество самых разных народов в одном котле варилось. Со мной в одном доме жил, к примеру, мальчик по фамилии Бреус. А в классе учился другой: Коля Евстафиади. Не говоря уж об огромном количестве Иваненко, Андриюшенко, Матвиенко, которых в общей массе вокруг было больше, чем Ивановых, Матвеевых и Андреевых.

Итак, меня зовут Сережа Жила, я проживаю с мамой и папой неподалеку от города Ростова-на-Дону в военном городке за бетонным забором, который называется Авиагородок. И мой почтовый адрес (свое местожительство должны были знать все дети) звучит так: Авиагородок, ДОС номер пятнадцать, квартира девятнадцать. Улиц у нас в Авиагородке не было. И ДОС в адресе это не ошибка. Именно не дом, а ДОС, что означало: «дом офицерского состава». Были и другие ДОСы. Помню, например, длинный полутемный коридор. И по обе его стороны — двери. И пахнет керосином. Это тоже ДОС, соседний, только там квартиры коммунальные. Мы

раньше тоже жили в нем, но потом воинская часть дала нам квартиру отдельную.

Вообще все, что было связано с армией: часть, командование, погоны, звездочки — пользовалось у нас, пацанов, огромной популярностью. Помню спор двух мальчишек — не скажу точно, но, возможно, одним из них был я:

- А я тебя — старше!
- Ха! А я вообще старшина!
- Старшина! Подумаешь! Я лейтенант!
- Лейтенант? Пфу! А я майор!
- А я — полковник!
- А я — генерал!
- Что твой генерал?! Я — маршал!
- А я! Я!.. Я — маршал Малиновский!¹

После этого крыть уже было нечем, лезть выше некуда: маршал Малиновский в ту пору был министром обороны СССР. Но я тогда, помнится, воспринимал «Малиновский» не как фамилию, а как продолжение звания: *маршал-малиновский*. То есть как бы старший маршал. Или самый главный Маршал Советского Союза.

У всех пацанов, кто бы ни жил вокруг, отцы были офицерами. И я тоже гордился, что мой папа военный и ходит в летчицкой форме, и в петлицах у него крылышки, а у фуражки голубой околыш. Точно такая же форма у советских космонавтов —

¹ Родион Яковлевич Малиновский (10 (22) ноября 1898, Одесса — 31 марта 1967, Москва) — советский военачальник и государственный деятель. Полководец Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза, с 1957 по 1967 год — министр обороны СССР.

но папа, к сожалению, не космонавт и даже не летчик. Он служит в воинской части при аэродроме. А мама — работает инженером на заводе. Так нам, детям, все родители говорили. Так мы должны были рапортовать в школе и рассказывать посторонним.

Только лет через тридцать я узнал, что папина «воинская часть при аэродроме» и мамин завод были одним и тем же предприятием: почтовым ящиком номер такой-то, жутко секретным заводом по ремонту жутко секретных ракет. Их, оказывается, привозили на то предприятие в Авиагородке ночью, под покровом тьмы, на специально замаскированных платформах. Разгружали, в цеху номер один чинили, а потом, тоже в темноте, увозили.

Хоть мы, мальчишки, о секретных занятиях наших родителей знать не знали, имелось ощущение, что они, а значит, и мы находимся, как говорилось тогда по радио и писалось в газетах, «на переднем крае». Это чувство было разлито в воздухе. Недаром же наши отцы ходили точно в такой же форме, как Юрий Гагарин, Герман Титов или Алексей Леонов. А городок назывался авиа-, и около него, кроме секретного завода, и впрямь находился аэродром.

Однажды я увязался туда за пацанами постарше.

Мы притаились за деревьями на пригорке и наблюдали, как совсем рядом с нами, за бетонным забором с колючей проволокой поверху, взлетают небольшие реактивные самолеты. У них настоящее пламя из сопла выбивалось! И еще мне нравилось, что за стеклянным фонарем кабины виднелись головы летчиков в черных шапках-шлемофонах.

Теперь я знаю, что аэродром тот был учебный, а самолеты назывались «МиГ-15». Странно, я не помню грохота — зато очень хорошо помню красные звезды на крыльях и хвостах аэропланов стального цвета.

О том своем походе на аэродром я родителям так и не рассказал. По-моему, они до сих пор об этом не знают.

Гулять меня отпускали в Авиагородке одного без взрослых с незапамятного времени и куда хочешь. Я даже еще школьником не был, как стал один выходить во двор. Не было никаких запретов и ограничений: туда не ходить, сюда не лазить. Свобода, что давалась детям, объяснялась, как я сейчас понимаю, кумулятивным воздействием на моих родителей двух взятых вместе факторов: во-первых, советской власти, при которой слыхом не слыхивали ни о каких маньяках и преступлениях, особенно против детей. Не потому, конечно, что их вовсе не было. Они, как мы знаем теперь, случались — но, во-первых, значительно реже, чем нынче, а во-вторых, о них никто не говорил и не писал, и казалось, что их и вовсе не существует. Кроме того, сказывалась атмосфера военного городка, где проживали только свои. Все дети гуляли в одиночку, без родителей и нянек — все равно мы не смогли бы уйти дальше бетонного забора и проходной.

Поэтому не могу вспомнить, как получилось — возможно, мы нашли-таки способ убежать из городка, но однажды мы с мальчишками удрали в поля.

И вот перед нами расстелилась степь. И вся она оказалась покрыта цветущими тюльпанами. Их были

тысячи. В основном красные. (Но имелись и один-два желтых.) Тюльпанов было огромное, несчетное (как мы, дети, тогда говорили) количество. И я стою перед ними — пораженный. Во-первых, конечно, пришиблен их красотой. А во-вторых — странностью ситуации. Ее парадоксальностью (хотя, разумеется, я этого слова тогда не ведал).

Я ведь знаю, что тюльпаны — это товар. Их продают за деньги: бабульки на ростовском базаре, торговки на станции Батайск. А тут их — сколько хочешь. Бесплатно. И они никому не принадлежат. Рви сколько влезет.

Но врать-то как раз нельзя. Потому что сорвешь, принесешь маме — соблазнительно, конечно, ее порадовать. Но она спросит: где взял? И придется тогда врать. А правду сказать — родители не обрадуются. Чувствовал я, что непозволительно далеко от дома мы с пацанами забрались.

Так и не признался, что побывал в тюльпановых лугах. А теперь и не вспомнишь даже с помощью гугл-карт, где эта красота рядом с Авиагородком находилась.

Зато в другом своем подвиге я родителям повинился. Точнее, я-то шел к ним, напротив, похвастаться.

Речь шла о разрушке, что находилась неподалеку от нашего дома. Я пришел домой и сказал маме: «А ты знаешь, что я среди наших мальчиков самый смелый?»

— Ух ты, — ответила она, — и как же вы это определили?

— А на разрушке все пацаны лазили только по первому этажу, а я поднялся на второй! — гордо заявил я. — Один! Никто больше не смог!

Это и впрямь было непросто, как сейчас помню. Лестницы, даже разрушенной, в руинах не осталось. На второй этаж вела наклонная бетонная балка. Она, как и сохранившиеся стены, вся была в щербинах и оспинах от былых пуль и осколков. Это придавало путешествию по балке дополнительную прелесть. Можно было вообразить, что тебя обстреливают фашисты — а ты, невзирая на вражеский огонь, ползешь на второй этаж передать важное сообщение в штаб. Да, пройти по бетонной плите, лежавшей под углом, с каждым шагом оказываясь все выше от пола, усыпанного щебнем и битым кирпичом, было жутковато, страшно — но очень заманчиво. И я прополз по ней и прошел! Единственный из всех мальчишек! А потом — благополучно спустился вниз.

Но мама отчего-то не разделила восхищения моей смелостью. Напротив, как я почувствовал, слегка испугалась.

— Ты ходил на разрушку? — переспросила она меня изменившимся голосом.

— Да.

— И лазил даже на второй этаж?

— Ну... Да...

— Да как же ты мог?! — воскликнула она. — Это так опасно! Там же все на живую нитку. Извини меня, на соплях!

Всякий раз, когда моя мама (вслед за бабушкой) употребляла хотя бы отчасти бранное или просторечное слово, она непременно извинялась. Даже

когда пребывала, как тогда говорили, «в растрепанных чувствах».

— Да ведь разрушка эта в любой момент может развалиться, — продолжала она, — и вас завалит! Насмерть! И не найдут потом! А ты еще по ней лазил, додумался! Ну и сверзился бы с верхотуры! Нет, Сереженька, пожалуйста, обещай мне, что ты никогда больше не будешь туда лазить. И мальчишкам скажи, чтобы не ходили! Это же так опасно! Обещай, Сереженька!

Что ж! Я пообещал маме. И больше, впрямь, ни разу на разрушке не был.

Кажется, не был. Во всяком случае, я не помню.

А что стало теперь с той самой разрушкой в Авиагородке, не ведаю. Наверное, в конце концов ее, как и все подобные руины, снесли. И может, даже возвели на их месте нечто новое.

ПИАНИНО С КАНДЕЛЯБРАМИ

Если руины с прошлой войны ныне исчезли совершенно, то следующий объект полностью канул лишь из моей собственной жизни (и слава богу!). Их давно уже не делают, едва ли не сто лет. И свой век доживают последние из оставшихся. Один из них, например, находится в музее-квартире Булгакова на Садовой. Кое-что представлено в антикварных магазинах. Или продается с рук. Даже странно, что когда-то в детстве я был хозяином столь старинной и ценной вещи, настоящей фамильной реликвии. Да с историей!

А я еще столь мало сие изделие ценил. Даже, скорее, ненавидел.

Конечно, это было не моей идеей. Это придумали родители. А еще точнее — мама. Или даже, скорее, моя бабушка (по маминой линии), Татьяна Дмитриевна Литвинова. Или, может, ее мама и моя прабабушка Ксения Илларионовна Дьячкова (в девичестве Савичева).

Короче, в один прекрасный день старшие решили учить меня музыке.

Старинный инструмент в тот момент пребывал в квартире бабушки в Новороссийске. Достался он нам от пратетки (а как еще назвать родную сестру прабабушки?) На нем когда-то училась музицировать моя мама. А само пианино было старинным, до-революционным, с латунными подсвечниками, благородно посверкивающими латунными педалями, белыми, слоновой кости, клавишами, слегка пожелтевшими от времени. И золотом выгравированным на крышке названием фирмы-производителя. Что была за фирма, я, конечно, не помню. Да и никто из семьи не помнит: ни мама, ни тем более папа. Но почему-то мне хочется, что то был «Рёниш». Ну, о'кей, пусть будет «Рёниш».

Тогда, в шестидесятые годы двадцатого века, никакая старина не ценилась. Подумаешь, пианино с подсвечниками! Кому нужны канделябры? Анахронизм! Барахло! Что ими освещать, не смешите? Какие ноты? Кругом поголовная электрификация!

И вот в один из дней пианино «Рёниш» с канделябрами было вывезено из новороссийской кварти-

ры бабушки, загружено в контейнер — и вскорости воцарилось в нашем ДОСе в Авиагородке.

Потом, когда я вырос, я не раз спрашивал и маму, и бабушку: почему им вообще пришла в голову идея учить меня музыке? Ведь я не выказывал никакого к ней ни желания, ни способностей. Наиболее развернутый ответ я получил от бабушки, Татьяны Дмитриевны:

— Но ведь умение музицировать настолько важно для современного молодого человека из интеллигентной семьи! Представляешь, ты приходишь в незнакомую компанию, там стоит пианино или рояль, и ты садишься к нему и начинаешь наигрывать песку или популярные мелодии!

Я (в ту пору, когда задавал вопрос, уже студент-оболтус) чуть не прыснул. Как-то не доводилось мне за время посещений разнообразных молодежных компаний видеть пианино или, тем паче, рояль. А даже если вдруг и приходилось, никому из гостей не вступало в голову сесть за инструмент и что-то наиграть. На девушек старались произвести впечатление иными, более простыми средствами. И если уж вооружались для того музыкальными инструментами, то разве что гитарой.

Однако я и в восемнадцать лет не стал раскрывать бабушке глаза на трагическое непонимание ею (что характерно для интеллигенции) нужд и чаяний простого народа (к которому я относил и себя).

Вернемся в год одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмой, когда в нашей квартире в Авиагородке воцарилось бабушкино пианино.